

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ СИДОРЕНКО

ассистент кафедры китайской филологии Восточного факультета

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

theironman@yandex.ru

ИДИЛЛИЯ БОРЬБЫ: РОМАН ЛЯН БИНЬ «ИСТОРИЯ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ»

Роман Лян Биня «История красного знамени» (1957) – один из самых известных романов 1950-х годов о китайской деревне – позиционируется как роман воспитания, метагероем которого является китайское крестьянство в 1920–1930-е годы. Произведение вошло в фонд «красной классики» литературы КНР, что делает его анализ актуальным. Цель статьи – проанализировать роман Лян Биня «История красного знамени» с учетом жанровой специфики романа воспитания. Новизна заключается в попытке выявления трансформации жанра романа воспитания в китайском социалистическом реализме. В ходе анализа установлено, что крестьянин Чжу Лаочжун может считаться героем романа воспитания, однако процесс его становления не раскрыт в сюжете ввиду идеологических ограничений на изображение самостоятельных поисков героями места в жизни. С другой стороны, подробная хроника взросления другого важного персонажа, крестьянского подростка Янь Цзянтао, не отражает эволюции характера героя и его духовного становления, но является частью реализации статичной диспозиции «свой» – «чужой». Взросление Цзянтао – процесс его обучения, а не воспитания. Хронотоп и персонификация романа, наметившие вектор его восприятия как романа воспитания, по ходу сюжета трансформируются по логике классовой эстетики. Роман постулирует ценностные установки социалистического реализма «народность – классовость – партийность», оставаясь при этом в рамках идиллического хронотопа, то есть стремится воспитать читателя, нежели описать процесс становления героев. В связи с этим роман «История красного знамени» можно назвать идиллией борьбы.

Ключевые слова: китайская литература, «красная классика», жанр, социалистический реализм, роман воспитания, хронотоп, персонификация, ценностная установка, литературная политика КНР, Лян Бинь

Для цитирования: Сидоренко А. Ю. Идиллия борьбы: роман Лян Биня «История красного знамени» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.388

ВВЕДЕНИЕ

Роман китайского писателя Лян Биня¹ 梁斌 «История красного знамени» 红旗谱 был впервые опубликован в ноябре 1957 года. Критики называют роман одним из наиболее заметных произведений «красной классики» и ярким примером реализации ценностных концепций социалистического реализма в китайской литературе [7: 402], [14: 227]. Он широко известен в КНР: в 1957–1995 годах выдержал около 30 переизданий, общий тираж достиг 1,8 млн экз. [8: 22]. По роману был снят одноименный фильм (1960). В сокращенном русском переводе под названием «Три поколения» был опубликован в 1960 году.

Лян Бинь начал работать над романом еще в конце 1930-х – начале 1940-х годов [11: 14]. По его словам, в ходе работы, наряду с классической китайской литературой, указаниями Мао Цзэдуна (главным образом, данными в «Выступлениях...» 1942 года), он обратился к советской литературе (см. [8: 22]): особо отмечал влияние М. А. Шолохова и его роман «Тихий Дон» (1928–1940) [11: 24]. В тексте «Истории красного знамени» упоминаются романы «Железный поток» (1924) А. С. Серафимовича, «Мать» (1905)

М. Горького, «Чапаев» (1923) Д. А. Фурманова, повесть «Октябрь» (1923) А. С. Яковлева.

Основная тема романа – борьба между крестьянами, представленными в романе семьями Чжу и Янь, и помещиками, принадлежащими к семье Фэн. За исключением пролога, происходившего за тридцать лет до начала основного сюжета, события, описываемые в романе, приходятся на вторую половину 1920-х – начало 1930-х годов. Развитие действия – четыре хронологически расположенных сюжетных узла: конфликт с разбитием колокола (предположительно конец XIX – начало XX века), в результате которого умирает отец главного героя; конфликт из-за птицы (середина 1920-х годов), где крестьянские дети показывают себя гордыми и непреклонными: помещики не могут «задобрить» классовую вражду деньгами; борьба против налога на убой свиней (начало 1930-х годов), организованная крестьянами и увенчавшаяся успехом, причинившая злодею-помещику крупные убытки; протест учащихся педагогического училища (начало 1930-х годов), закончившийся подавлением студенческих волнений.

Персонификация романа отвечает требованиям к изображению персонажей, выдвигаемым

партийным руководством в первые десятилетия КНР, то есть распределению черт характеров согласно классовому принципу: добрые, честные и самоотверженные крестьяне, которым противопоставлены коварные, жестокие и алчные помещики и их сателлиты. Подробно влияние литературной политики на изображение персонажей в литературе первых десятилетий КНР рассматривается в статье А. А. Никитиной [5].

Следует также отметить сильное влияние китайской классической литературы, в особенности романа Ши Найяна «Речные заводы» (см. подробнее [8: 23], [16: 33]). Большое число сведений в «Истории красного знамени» излагается через прямую речь персонажей, что отражает влияние не только классической сюжетной прозы, но и классической китайской драмы и сказа, которые, как известно, на протяжении многих веков находились в тесной взаимосвязи. Повествование ведется от третьего лица с позиции «всезнающего рассказчика», что также роднит роман с классической литературой и сказом [12: 92, 94].

Роман «История красного знамени», равно как и вся одноименная трилогия, задумывался как «семейная хроника воспитания революционного крестьянства»; исследователи относят его к жанру романа воспитания [10: 37], [12: 91], [13: 122]. Несмотря на то, что тема воспитания, точнее, дидактическая составляющая в романе и присутствует и даже описывается *время* взросления двух главных действующих лиц, рассмотрение его через призму концепции романа воспитания наталкивает нас на неожиданные выводы. Прежде чем перейти к предмету исследования, сделаем несколько вводных замечаний по концепции романа воспитания в целом.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА ВОСПИТАНИЯ

Термин «роман воспитания» был впервые применен в начале XIX века К. Моргенштерном, однако более широкое распространение он получил на рубеже XIX–XX веков [3: 6], [17: 279–280], [19: 93]. Концепция романа воспитания занимает важное место в характеристике развития романного жанра, она разрабатывалась на обширном материале большим числом ученых. Прежде всего следует отметить работу М. М. Бахтина «Роман воспитания и его значение в истории реализма» [2: 199–249], а также отечественные полноформатные исследования В. Н. Пашигорева² и Е. А. Краснощековой [3] на материале немецкой и русской литературы последних двух столетий соответственно. Среди западных исследований назовем монографии Ф. Моретти [18], П. Голбана [15], обзорные статьи Дж. Майнарда [17], Дж. Слотера [19].

Опираясь на историко-теоретические изыскания литературоведов, приведем характеристики, которые считаются формообразующими для

романа воспитания. В общих чертах его можно определить как роман о формировании идентичности [15: 18],

«роман о становлении духовно-интеллектуальной позиции героя в результате уроков жизни, практического опыта, о многотрудных и мучительных поисках смысла бытия, гармонического идеала, положительной программы»³.

«Гранднарратив» романа воспитания представляет собой

«некоторый типически повторяющийся путь становления человека от юношеского идеализма и мечтательности к зрелой трезвости и прагматизму... Для этого типа романа становления характерно изображение мира и жизни как опыта, как школы, через которую должен пройти человек и вынести из нее один и тот же результат – протрезвление с той или иной степенью резиньции» [2: 201].

Герой романа воспитания существует одновременно в конкретно-историческом (внешнем) и мифологически-психологическом (внутреннем) времени-пространстве, вступает в конфликты с внешним миром и с собственными эмоциями и чувствами, идет от инфантильно-индивидуального к социально-гармоническому существованию⁴. По мысли М. М. Бахтина,

«сам герой становится переменной величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа. Время вносится вовнутрь человека, входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни...» [1: 212].

В центре романа воспитания – отношения героя с обществом или его психология [17: 287]. В. Н. Пашигорев отмечает, что, раскрывая процесс становления,

«роман воспитания особо акцентирует такие психологические структуры, как самоотречение и самопреодоление, рождение нового сознания в ходе напряженной борьбы со старым, конфронтация идей, взаимоисключающих состояний, диалектику формирования духовного мира героя»⁵.

Американский литературовед Дж. Майнард считает наличие персоны, которой нужно приспособиться к новой общественной ситуации, универсальным компонентом романа воспитания [17: 280]. Можно сказать, что роман воспитания – это роман не только о взрослении, становлении, но и «роман социальной инкорпорации» [19: 96].

По мысли Ф. Моретти, разрешение противоречий и компромисс как их интериоризация – очень важная, сюжетообразующая тема в романе воспитания [18: 9–10].

Моноцентричность, по мнению западных литературоведов, – один из основных признаков этой разновидности романа [17: 287], [18: 56]. Схожую точку зрения высказывает и отечественный исследователь Е. А. Краснощекова:

«В центральном персонаже воплощается вся сумма идей, его энергия движет сюжет; наконец, именно в герое заключена сама тайна обаяния всего создания» [3: 14].

Персоносфера романа воспитания, в свою очередь, структурирована вокруг главного героя. Композиция определяется стадийностью в представлении тернистой «дороги жизни» героя. Становление его души завершается искомым итогом – рождением баланса между желаниями сердца и требованиями ума [3: 16].

Итак, романом воспитания мы будем считать произведение, сочетающее в себе описание становления характера героя и моноцентричность как сюжета, так и персоносферы. С точки зрения фабулы в нем описывается переход от юного к взрослому возрасту. «Движущая сила» нарративной динамики романа воспитания – самооспаривание, наличие взаимоисключающих состояний, столкновение идеалистических представлений героя, вступающих в некую «химическую реакцию конфронтации», приводящую к компромиссу с внешним миром, на этом процессе преобразования сознания героя и сосредотачивается внимание читателя. Можно сказать, что роман воспитания «ведет читателя вслед за компромиссами главного героя».

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОМАНЕ «ИСТОРИЯ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ»

Приступая непосредственно к анализу жанровой специфики романа Лян Биня, будем иметь в виду слова М. М. Бахтина:

«Ни одна конкретная историческая разновидность не выдерживает принципа в чистом виде, но характеризуется преобладанием того или иного принципа оформления героя» [2: 199–200].

Структуру романа «История красного знамени» можно представить в виде двух пересекающихся друг с другом во времени «хроник воспитания»: сначала взросление крестьянина Чжу Лаочжун, а затем – сына его друга, Янь Цзянтао. Роман Лян Биня на первый взгляд может показаться децентрализованным: мир в нем раскрывается от третьего лица, как, например, в классическом романе Ши Найяня «Речные заводы». Меняется и центральная фигура повествования – вначале это Чжу Лаочжун, а затем – Цзянтао. Однако роман «История красного знамени» – централизован через автора, проводящего литературную политику КПК, в данном случае концепцию «революционного воспитания», что сказалось на его художественной специфике.

Основные «сюжетные узлы» романа, на наш взгляд, сконструированы для того, чтобы показать читателю идейный рост героев, равно как и охарактеризовать такой рост положительно. Остановимся на них подробнее. Пролог романа, в котором помещик Фэн Ланьчи хочет несправедливо присвоить себе общинные земли, введен

для того, чтобы показать, что между крестьянами и эксплуататорами существует классовая вражда. Жертвой этой вражды становится Чжу Лаогун, отец Чжу Лаочжуна. Чжу Лаочжун клянется отомстить помещику за отца. Месть – достаточно распространенный пролог в китайской проstonародной литературе (см. подробнее [10: 43]). Семья Фэн Ланьчи богатеет после того, как Фэн Ланьчи несправедливо присвоил себе 48 му⁶ общинной земли, разбив колокол, то есть после гибели отца Чжу Лаочжуна, Чжу Лаогун (62)⁷. Чжу Лаогун, жертва классовой борьбы в первом сюжетном узле, введен в повествование для того, чтобы показать, что классовая борьба без руководства КПК не может быть успешной для крестьян. Усилению этого посыла служат описания того, как над старшей сестрой Чжу Лаочжуна после смерти отца надругались бандиты, а сам Чжу Лаочжун остался без средств к существованию [11: 19–20]. В результате этих пертурбаций Чжу Лаочжун надолго покидает родные места. Возвращается в родное село через двадцать с лишним лет взрослым человеком и начинает жить жизнью честного порядочного крестьянина: строит дом, растит детей, занимается крестьянским трудом, оставив мысли о мести на потом. Некоторые исследователи, например Ли Ян [10], усматривают в таком отказе от мести процесс воспитания Чжу Лаочжуна: от личной мести его сознание вырастает до классовой борьбы, описанной в дальнейших эпизодах. Однако, как нам кажется, читатель романа воспитания ожидает проследить духовное становление Чжу Лаочжуна, чего мы в романе не наблюдаем. О его свершившемся становлении мы узнаем постфактум из уст его старого приятеля Янь Чжихэ: «Каким твердым и непреклонным [Чжу Лаочжун] стал за годы скитаний» (57). Этим описание процесса становления Чжу Лаочжуна, можно сказать, исчерпывается, за исключением общих фраз в духе «терпел лишения», «удалось накопить денег» и пр. Подробностей того, как и почему Чжу Лаочжун стал таким твердым и непреклонным за годы скитаний, не приводится.

Читателю, незнакомому с политической конъюнктурой первых десятилетий КНР, пытающемуся воспринять «Историю красного знамени» как роман воспитания, изъятие из романа подробностей взросления Чжу Лаочжуна может показаться странным. Однако стоит принять во внимание политическую конъюнктуру 1950-х годов, и все сразу встанет на свои места. взросление Чжу Лаочжуна приходится на первые десятилетия XX века, соответственно, оно физически не могло происходить под руководством КПК, основанной в 1921 году. Если бы Лян Бинь в подробностях описал «удачно завершившееся» (он стал крестьянином с семьей, землей и средним достатком) взросление Чжу

Лаочжуну в подобном контексте, а точнее – без обязательного для 1950-х годов описания лидерства КПК, то это стало бы серьезным идеологическим просчетом. Подробное описание того, как крестьянин *без поддержки КПК* смог избежать участи обездоленной жертвы, могло быть расценено так, что китайский крестьянин может устроить свою судьбу и без КПК. Кроме того, следует отметить, что в начале XX века в Китае еще до появления КПК присутствовали революционные силы. Проявлениями антиимпериалистической борьбы были восстание ихэтуаней (1899–1901), Синьхайская революция (1911). Однако этим и другим знаменательным событиям начала века в романе не уделено должного внимания, как нам представляется, для того, чтобы не отвлекать читательское внимание от роли КПК в революционной антиимпериалистической борьбе и способствовать созданию у читателя более убедительного образа руководства КПК как ее основного фактора.

Вновь повторим: Чжу Лаочжун смог заработать денег, завел семью, то есть *приспособился* к прежнему строю. Хотя он и продолжает ненавидеть помещиков, в том числе Фэн Ланьчи, повинного в гибели его отца, он знает, что добиться справедливости и покарать преступника невозможно. Именно эту интернализацию противоречия, то есть подлинный *bildung*, Лян Бинь и замалчивает. Будучи опытным коммунистом, Лян Бинь не стал вести читателя вслед за тем экзистенциальным переворотом, который произошел в сознании Чжу Лаочжуна. Ведь даже реальное «взросление в борьбе», по характеристике китайского литературоведа Ван Дунфа [12: 92], предполагает душевные терзания и неуверенность. Получается, что Чжу Лаочжун – это герой романа воспитания, сам процесс взросления которого скрыт от читателя. Мы не видим в романе появления (или эволюции) духа борьбы *как результата становления*, а наблюдаем скорее его передачу по наследству – от старшего поколения крестьян к младшему. Для распространения схемы классовой вражды на младшее поколение Лян Бинь описывает конфликт из-за редкой птицы, которую помещик, любитель пернатых, пытается сначала обманом отнять, а затем купить у крестьянских детей [11: 19]. Дети в итоге оставили птицу себе, сколько бы денег ни предлагал помещик. С одной стороны, интенция автора понятна: показать, что дети крестьян – гордые и противопоставлены помещику. С другой стороны, рассматривать этот эпизод как часть романа воспитания трудно: мы видим здесь реализацию статичной диспозиции – все знают, кто «свой», а кто – «чужой», то есть о *становлении* кого-либо из героев младшего поколения также говорить не приходится.

Большой интерес в рамках настоящей статьи представляет Цзянтао, старший сын Янь Чжи-

хэ, чье взросление описано подробно. Как нам представляется, именно на примере Цзянтао, а не Чжу Лаочжуна, Лян Бинь наиболее развернуто демонстрирует концепцию «революционного воспитания». Интересен тот факт, что, хотя главным героем, участвующим во всех сюжетных перипетиях романа, и считается Чжу Лаочжун, упоминаний имени Цзянтао в романе примерно в полтора раза больше, чем имени Чжу Лаочжуна⁸. Далее мы попытаемся объяснить, почему.

Цзянтао читателю представляет Чжу Лаочжун: «Ах, какой смывленный ребенок, из него обязательно выйдет толк», «пускай сейчас он еще юн, в будущем он добьется больших успехов» (41, 70). Еще будучи ребенком, Цзянтао, услышав о злодеяниях помещиков, сжал кулаки и воскликнул: «Да как так можно!» (42). Цзянтао с детства молча терпел невзгоды, был гордым и честолюбивым, сдерживал слезы, обладал чувством справедливости (68, 70). Уже это, на наш взгляд, позиционирует его как «праведного», сформированного положительного героя романа социализма. После поступления в начальную школу, куда ему помог попасть коммунист Цзя Сяннун, Цзянтао участвовал в демонстрациях, вел агитационную работу, распространял листовки и пр. Однажды, участвуя в митинге, Цзянтао понял, что не одинок, и решил стать коммунистом. Когда Цзя Сяннун сказал ему, что у него, *как у потомка крестьянина*, есть все шансы вступить в компартию, тот весь зарделся, и по его телу разлилось тепло (126–127). Здесь налицо ценностная установка⁹, приближающая вступление в КПК к религиозному таинству, наделяя его модальностью «святости». Среди всех персонажей романа Цзянтао проделал наибольший объем организационной работы, что подтверждает его статус «центра тяжести» ценностных установок в романе, иными словами, он – самый положительный герой, который должен вызвать наибольшее стремление читателя к идентификации. Важно отметить и то, что по ходу романа Цзянтао неоднократно проявил себя как лидер, более сознательный, чем его соратники: он сказал своему товарищу Дагую, что драться с помещиками в одиночку – неэффективно, следует поднять на борьбу весь народ; когда его друг Чжан Цзяцин стал стрелять по голубям помещика, дабы продемонстрировать свою удаль, Цзянтао сказал, что нужно быть осмотрительным, и т. д. В качестве способного лидера Цзянтао отмечают даже гомильдановские военные, осаждающие училище (386). Примеров того, что Цзянтао с детства имел праведные взгляды и был привержен коммунистической идее, – масса. Наиболее насыщенными ценностными установками, инструментом которых становится образ Цзянтао, нам представляются эпизоды с борьбой против налога на убой свиней и оборона училища в Баодине. В ходе борьбы против налога на убой свиней

Цзянтао организует демонстрацию, где храбро выступает перед народом, и его речь находит живой отклик у многотысячной толпы. Чжу Лаочжун, слушая выступление Цзянтао, развивая его характеристику, говорил, что тот «повзрослел» и может организовать массы (293). Эта реплика вновь прямым текстом сообщает читателю о работе схемы «революционного воспитания». Кульминационный эпизод романа – трагически окончившаяся забастовка учащихся педагогического училища в Баодине, которая была также организована Цзянтао.

Ф. Моретти отмечает, что испытание в романе воспитания – это не препятствие, которое следует пройти неизменным, это *возможность* приобрести опыт, из суммы пройденного опыта, который *инкорпорируется* в личность, она и формируется [18: 46–48]. На примере «революционного воспитания» Цзянтао Лян Бинь демонстрирует нам диаметрально противоположное. Во всех сюжетных узлах, представляющих собой схватки с классовым врагом, Цзянтао проявляет одни и те же качества – стойкость, храбрость, рассудительность, твердость характера, самоотверженность и пр. То есть его взгляд на мир статичен, и «революционное воспитание» Цзянтао в романе не более чем хроника его *политического обучения* (но никак не воспитания или становления) и работы под руководством КПК.

Рассматривая персонифицированную роман в целом, о каком-либо развитии, динамике становления героев говорить трудно, так как нет описания их ошибочных деяний и воззрений, неопределенности в жизни. Все, как «свое», так и «чужие», за исключением сына помещика Чжан Цзяцина, изначально имеют «правильное», классово заданное мировоззрение. О пути в революцию Чжан Цзяцина, который мог бы предстать перед читателями как герой романа воспитания, как его понимаем мы, сказано мало ввиду того, что он не был потомком крестьян, и, если бы Лян Бинь стал вдаваться в подробности о детстве Чжан Цзяцина, писателя могли бы обвинить в том, что его роман о помещиках, а не о крестьянах.

Все остальные герои уже имеют классовое сознание, которое полностью сформировано, то есть КПК в романе не воспитывает, а только руководит процессом. Фигурально выражаясь, КПК не учитель музыки, а скорее дирижер, до появления которого оркестр, каждый его участ-

ник, *уже владея инструментом*, не может слаженно играть. С этой целью Лян Бинь и написал о поражении крестьян в прологе к роману. Здесь следует привести точное замечание Е. А. Краснощековой о том, что «в литературе социалистического реализма не было места роману о *самостоятельных* поисках смысла жизни, идейных блужданиях» [3: 14]. Схожие тезисы приводит в своей статье по персонифицированной романов 1950-х годов российский исследователь А. А. Никитина [6: 63].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере романа «История красного знамени» литературный процесс первых десятилетий КНР можно описать как «перенос» воспитания с объекта на его субъект, как показал Т. Лахусен. То есть в роли воспитуемого выступает автор, а не главный герой произведения [4: 848–849]. В результате того, что Лян Бинь следовал партийным директивам (то есть подвергся воспитанию со стороны проводящих литературную политику), реальный процесс взросления Чжу Лаочжуна как интернализация противоречий оказался скрыт от читательского взора, а «революционное воспитание» заведомо положительное Цзянтао, в котором нет места душевным терзаниям и перестройке сознания, раскрыто подробно.

При поверхностном взгляде в ходе прочтения романа складывается впечатление, что борьба присутствует на всем протяжении романа. При этом баланс сил и взгляд героев на мир по ходу романа не изменяется. Мир в романе «История красного знамени» статичен; это не тот хроно-топ, который Бахтин обнаруживает у Гёте [2: 16–249], он скорее ближе к идиллическому типу [2: 373–391].

Хронотоп романа, после пролога ненадолго обнаруживший характеристики романа воспитания, быстро и безвозвратно возвращается к идиллическому типу: в нем все знают свои места и имеют четко определенное мировоззрение. Резюмируя, подчеркнем, что роман «История красного знамени» постулирует ценностные установки социалистического реализма, то есть стремится *воспитать читателя*, нежели описать процесс становления героев. Учитывая вышеизложенное, вместо романа воспитания его жанровую специфику уместнее было бы назвать «идиллией борьбы».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лян Бинь (наст. имя Лян Вэйчжоу 梁维周 1914–1996) – известный китайский писатель, член КПК с 1937 года, член правления Союза китайских писателей, начал публиковать прозу в 1930-е годы. В историю китайской литературы вошел главным образом как автор трилогии «История красного знамени», состоящей из трех романов: «История красного знамени» (сокр. рус. пер. «Три поколения», 1960), подробно рассматриваемый в данном разделе, «Сеятели огня» 播火记 (1963), и «Пламя войны» 烽烟图 (1983), в которых в хронологическом порядке освещается роль крестьян провинции Хэбэй в «революционной истории». В начале 2000-х годов по трилогии был снят одноименный телесериал.

- ² Пашигоров В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII–XX веков. Генезис и эволюция: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 32 с.
- ³ Там же. С. 2–3.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Пашигоров В. Н. Указ. соч. С. 8.
- ⁶ Мера земельной площади, ок. 667 кв. м.
- ⁷ Текст Лян Биня приводится по: 红旗谱. – 北京, 青年出版社, 1958. 443 页. [История красного знамени. Пекин: Изд-во Циннянь Чубаньшэ, 1958. 443 с.]. В круглых скобках указывается страница.
- ⁸ Эти данные получены нами через поиск по цифровой версии текста романа. Чжу Лаочжун (в том числе его детское имя Хуцзы 虎子 и обращение «Дядюшка Чжун» 忠大伯) упоминается около 800 раз, а Цзянтао – около 1300 раз.
- ⁹ Ценностная установка – своего рода «руководство к ценностям». Ценностными установками текста (группы текстов) мы считаем совокупность элементов (структурных, тематических, стилистических, лексических), направленных на формирование или изменение уже существующей структуры ценностных отношений у читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Краснощекова Е. А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008. 480 с.
4. Лахусен Т. Соцреалистический роман воспитания, или Провал дисциплинарного общества // Соцреалистический канон: Сб. статей под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 841–852.
5. Никитина А. А. О влиянии политики Коммунистической партии Китая (КПК) на изображение персонажей в китайской литературе 1949 – начала 1960-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2013. № 2. С. 73–81.
6. Никитина А. А. Особенности изображения героев в китайской романистике 50-х годов XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2013. № 4. С. 61–67.
7. 陈思和. 中国当代文学史教程 (第一版). – 上海: 复旦大学出版社, 1999. 436 页. [Чэнь Сыхэ. Курс истории современной китайской литературы (1-е изд.). Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 1999. 436 с.]
8. 程光炜. 重建中国的叙事—《红旗谱》、《红日》和《红岩》的创作策略 // 南方文坛. 2002. № 3. 22–26 页. [Чэнь Гуанвэй. Нарративы перестройки Китая – творческая стратегия романов «История красного знамени», «Красное солнце» и «Красный утес» // Южный литературный форум. 2002. № 3. С. 22–26.]
9. 戴锦华. 红旗谱—一座意识形态的浮桥 // 《当代电影》1990. № 3. 26–33 页. [Дай Цзиньхуа. «История красного знамени» – идеологический плавучий мост // Современное кино. 1990. № 3. С. 26–33.]
10. 李杨. 2006 李杨. 50-70年代中国文学经典再解读. 济南: 山东教育出版社, 2006. 370 页. [Ли Ян. Вновь о классике китайской литературы 1950–70-х гг. Цзинань: Шаньдунское педагогическое изд-во, 2006. 370 с.]
11. 梁斌. 漫谈《红旗谱》的创作 // 《人民文学》, 1959 年 06 期. 14–25 页. [Лян Бинь. Заметки о работе над романом «История красного знамени» // Народная литература. 1959. № 6. С. 14–25.]
12. 汪东发. 叙述成长—《红旗谱》《青春之歌》《三家巷》叙事比较 // 长沙电力学院学报(社会科学版) 1999 年第 4 期. 90–95 页. [Ван Дунфа. Романы становления – сравнение повествовательной стратегии романов «История красного знамени», «Песня молодости», «Переулочек трех семей» // Вестник института электродинамики г. Чанша (серия «общественные науки»). 1999. № 4. С. 90–95.]
13. 王庆生 (主编) 《中国当代文学史》. – 北京: 高等教育出版社, 2003. 721 页. [Ван Циншэн (гл. ред). История современной китайской литературы. Пекин, 2003. 721 с.]
14. Chen Xiaoming. Personal Recollection and the Historicization of Literature: Keep the Red Flag Flying as a Case Study of the Complexity of The Revolutionary Literature // Chinese Revolution and Chinese Literature. UK: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 225–246.
15. Golban P. A. History of the Bildungsroman: From Ancient Beginnings to Romanticism. UK: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 267 p.
16. Huang Joe C. Heroes and Villains in Communist China: the Contemporary Chinese Novel as a Reflection of Life. New York: Pica Press, 1973. 345 p.
17. Maynard J. R. The Bildungsroman. A Companion to the Victorian Novel. UK: Blackwell Publishing, 2002. P. 279–301.
18. Moretti F. The Way of the World: the Bildungsroman in European Culture. London: Verso, 1987. 256 p.
19. Slaughter J. R. Bildungsroman/Kunstlerroman. The Encyclopedia of the Novel. UK: Blackwell Publishing, 2011. P. 93–97.

Поступила в редакцию 15.04.2019

Andrei Yu. Sidorenko, Assistant Lecturer, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

AN IDYLL OF STRUGGLE: LIANG BIN'S NOVEL *KEEP THE RED FLAG FLYING*

As a prime example of the 1950s novels about the Chinese countryside, Liang Bin's *Keep the Red Flag Flying* (1957) is frequently positioned as a Bildungsroman with the Chinese peasants of the 1920s and 1930s as a collective protagonist. As our analysis shows, Chu Laochung, the novel's protagonist, may be viewed as a Bildungsroman hero in a conventional sense, however, his *bildung per se* could not be narrated with any degree of plausibility due to ideological constraints. On the other hand, Yan Jiangtao, an adolescent whose growing up and communist schooling are presented as communist *bildung*, his character and attitude being static and "correct" the whole time, cannot be described as a Bildungsroman character. Jiangtao's maturation, as we see it, is more of a process of education than a personal evolution. The main objective of the novel, in accordance with the political agenda of its times, is to educate the reader, to direct his value conceptions. The novel adheres to idyllic chronotope, making it fit to be called an idyll of struggle.

Keywords: Chinese literature, “red classics”, socialist realism, Bildungsroman, literary policy in PRC, Liang Bin, value directions, personosphere, chronotope

Cite this article as: Sidorenko A. Yu. An idyll of struggle: Liang Bin's novel *Keep the Red Flag Flying*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 20119. No 7 (184). P. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.388

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Questions of literature and aesthetics. Moscow, 1975. 504 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. The aesthetics of verbal art. Moscow, 1986. 445 p. (In Russ.)
3. Krasnoshchekova E. A. Formation novel – Bildungsroman – on Russian soil: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoy. Dostoevsky. St. Petersburg, 2008. 480 p. (In Russ.)
4. Lahusen T. Socialist realist Bildungsroman or the failure of a disciplinary society. *Socialist realist canon: Collected articles* (H. Gunter; E. Dobrenko, Eds.). St. Petersburg, 2000. P. 841–852. (In Russ.)
5. Nikitina A. A. The role the Chinese Communist Party (CCP) policy in the character portrayal in Chinese literature between 1949 and the early 1960s. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13: Asian and African Studies*. 2013. No 2. P. 73–81. (In Russ.)
6. Nikitina A. A. Character portrayal in Chinese novels of the 1950s. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13: Asian and African Studies*. 2013. № 4. P. 61–67. (In Russ.)
7. 陈思和. 中国当代文学史教程 (第一版). – 上海: 复旦大学出版社, 1999. 436 页.
8. 程光炜. 重建中国的叙事 — 《红旗谱》、《红日》和《红岩》的创作策略 // 南方文坛, 2002. № 3. 22–26 页.
9. 戴锦华. 红旗谱—一座意识形态的浮桥 // 《当代电影》1990. № 3. 26–33 页.
10. 李杨, 2006李杨. 50-70年代中国文学经典再解读. 济南: 山东教育出版社, 2006. 370页.
11. 梁斌. 漫谈《红旗谱》的创作 // 《人民文学》, 1959年06期. 14–25页.
12. 汪东发. 叙述成长—《红旗谱》《青春之歌》《三家巷》叙事比较 // 长沙电力学院学报(社会科学版) 1999 年第4 期, 90–95 页.
13. 王庆生 (主编) 《中国当代文学史》. – 北京: 高等教育出版社, 2003. 721页.
14. Chen Xiaoming. Personal recollection and the historicization of literature: *Keep the Red Flag Flying* as a case study of the complexity of the revolutionary literature. *Chinese Revolution and Chinese literature*. UK, Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 225–246.
15. Golban P. A. History of the bildungsroman: From ancient beginnings to romanticism. UK, Cambridge Scholars Publishing, 2018. 267 p.
16. Huang Joe C. Heroes and villains in Communist China: the contemporary Chinese novel as a reflection of life. New York, Pica Press, 1973. 345 p.
17. Maynard J. R. The bildungsroman. A companion to the Victorian novel. UK, Blackwell Publishing, 2002. P. 279–301.
18. Moretti F. The way of the world: the bildungsroman in European culture. London, Verso, 1987. 256 p.
19. Slaughter J. R. Bildungsroman/Kunstlerroman. The encyclopedia of the novel. UK, Blackwell Publishing, 2011. P. 93–97.

Received: 15 April, 2019